

Остался на боевом посту в реакторном отсеке

«... Утром 3 октября на советской атомной подводной лодке с баллистическими ракетами на борту в районе примерно 1000 км восточнее Бермудских островов в одном из отсеков произошел пожар, - говорилось в коротком сообщении, переданном по каналам ТАСС 4 октября 1986 года. - Экипажем подводной лодки и подошедшими советскими кораблями производится ликвидация последствий пожара. На борту подводной лодки есть пострадавшие... Опасности несанкционированных действий оружия, ядерного взрыва и радиоактивного заражения окружающей среды нет».

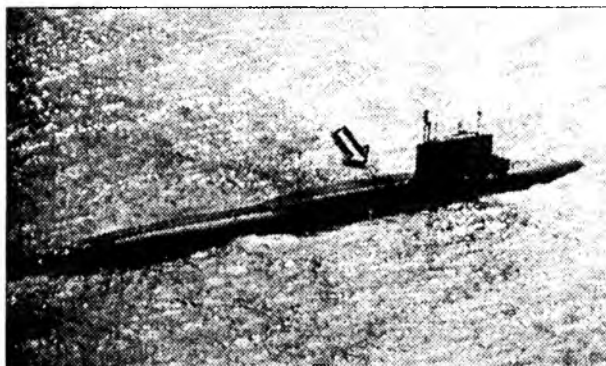
...Итак, вернемся в тот далекий 1986 год. М. Горбачев и Р. Рейган готовились к встрече в верхах в Рейкьявике (она при всем при том состоялась 11 октября 1986 года). Мир ждал от этой встречи многого. И вдруг - нештатная ситуация на атомном подводном крейсере стратегического назначения К-219. Над Америкой нависла угроза ядерной катастрофы. Ее предотвратил по сути один русский матрос - Сергей Преминин. Как это произошло?

Для начала я хотел бы дать читателям краткую характеристику самой атомной подлодки. Как сообщила мне Д. И. Рапакова, заведующая музеем имени С. Преминаина школы № 15 г. Красавино, длина К-219 - 128 метров (как хорошее футбольное поле), ширина - 11,7 метра, а высота - примерно с 5-ти этажный дом. Скорость надводная составляла 15 узлов, подводная - 27 узлов. Рабочая глубина погружения - 320 метров, а предельная - 400 метров. В состав экипажа входило 114 подводников. На борту атомного крейсера находилось в шахтах 16 ракет, а также 18 торпед.

А сейчас - вновь вернемся в суровую Атлантику октября 1986 года. Подлодка К-219 находилась в походе ровно месяц. Командовал субмариной, я напомним, капитан 2-го ранга Игорь Анатольевич Британов.

3 октября около 5 часов лодка всплыла на перископную глубину для сеанса связи. Связисты приняли информацию, и рули лодки были поставлены на погружение. В этот момент в третью по левому борту ракетную шахту стала поступать вода, которая раздавила корпус хранящейся в ней ракеты с жидким топливом.

В 5 часов 38 минут утечка топлива повлекла за собой сильнейший взрыв. Крышку шахты сорвало, были повреждены системы трубопроводов.

Из-за затопления шахты насоса в отсеке под напором пошла вода, что привело к короткому замыканию и возникновению пожара. Загазованность превышала норму в 40 раз. Личный состав, за исключением находящихся в главном командном пункте, пришлось эвакуировать. Была потеряна радиосвязь.

В результате взрыва на атомном крейсере К-219 погибли капитан третьего ранга А. В. Петрачков, матросы Н. Л. Смаглюк и И. К. Харченко. Четвертым впоследствии будет Сергей Преминин, матрос, спецтрюмный седьмого реакторного отсека дивизиона движения БЧ-5.

В 18 час. 40 мин. пропало питание в сети, в 18.50 сработала аварийная защита реактора. Но компен-

сирующие решетки не опустились на нижние концевики. Это было необходимо сделать вручную. И в отсек отправились старший лейтенант Николай Беликов и трюмный матрос Сергей Преминин.

Облаченный в защитный костюм Н. Беликов вошел в аппаратную выгородку, с трудом открыл сейф с ключом ручного опускания компенсирующих решеток. Затем вместе с Сергеем они установили ключ и начали работать по очереди.

Они опустили три решетки из четырех. Из-за высокой температуры (около 70 градусов) Беликов потерял сознание. А пришел в себя только на «Красногвардейске» - одном из подошедших к К-219 кораблей Морфлота.

...А сейчас я вновь обращаюсь к опубликованным материалам капитан-лейтенанта В. Ермолина, часть из которых я привел в предыдущей статье «Морская служба нелегка...»

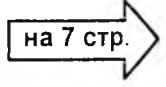
Он пишет, что Беликова и Преминаина, пришедших обратно и упавших на руки товарищей, долго приводили в чувство, растирали виски, плескали в лицо водой...

Но... «Каштан» (переговорное устройство внутри лодки) опять вздрогнул от металлического голоса командира (это я вновь привожу слова В. Ермолина). Приказ, как всегда, краток и предельно ясен. Сделана была половина дела. Время не ждет...

Да, уже 16-ый час экипаж К-219 вел борьбу за живучесть корабля, противостоял натиску смертельно опасного газа, образовавшегося в результате пожара.

Итак, Беликов был без сознания. Остался один Сережа Преминин. Он заставил себя подняться. И этим все сказал.

В. Ермолин пишет и о Василии Ежове, старшем мичмане. Оказывается, как рассказывала мне А. А. Копосова, бывший заместитель директора по учебно-воспитательной работе ГПТУ № 4 речного флота, Ежов - тоже, как и Сережа, - выпускник этого же училища. Родом из Тотемского района. И тоже служил на К-219 вместе с С. Премининим. Он и рассказывал Альбине Александровне о службе на подлодке, о том, как все это

Остался на боевом посту в реакторном отсеке

← на 2 стр. происходило. Ежов два года тому назад побывал в Великом Устюге.

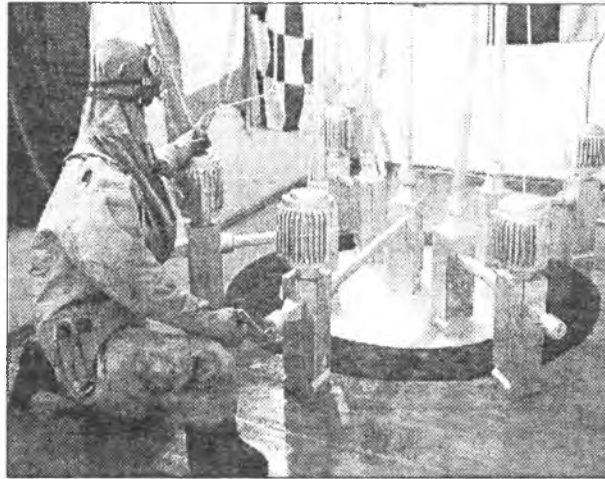
И его воспоминания в общем-то полностью совпадают с теми, о чем пишет В. Ермолин: «Старший мичман В. Ежов: «Глаза у него (от автора. Имеется в виду Сергея) были спокойные: ни растерянности, ни страха. Я как-то сразу понял: этот не поведет. Этот пойдет до конца». И Сергей натянул маску, коробку с регенеративным патроном. Уже, взявшись за рукоять переборочной двери, задержался на какой-то миг, хотел сказать что-то, да, видно, раздумал - шагнул в черный провал седьмого отсека».

Далее капитан-лейтенант В. Ермолин вопрошает: почему Сергей пошел один? Как такое могло случиться? Ответы на эти вопросы потом искали представители многочисленных комиссий, должностные лица различных рангов, матросы, все, кто профессионально судили о происшедшем на лодке. Один из ответов был, в частности, таким: те, кто отправлял Преминина в аварийный отсек, отдали ему последние дыхательные аппараты, остальные аппараты были уже изработаны, дотягивали последние минуты, а концентрация газа и здесь, в восьмом, давно перевалила за допустимую отметку.

Как бы там ни было, сообщает В. Ермолин, Сергей Преминин пошел в реакторный отсек. Второй раз за последний час. Но теперь уже один. Что он думал в эти последние в своей жизни минуты? Нам не дано этого знать.

Известно, что матрос Преминин прошел весь путь от начала до конца. Известно, что спустился он по крутому трапу аппаратной и, оборот за оборотом, уже запредельным усилием, крутил, согнувшись в три погибели, тяжелую рукоять. Крутил пять, десять, двадцать, тридцать минут...

...У него еще хватило сил, да нет, не сил - надежды, подняться из аппаратной, дойти до «Каштана», доложить «центральному»: «Приказ выполнен!»

«В реакторном отсеке победу одержал матрос, - писал В. Ермолин. - Над всеми случайностями. Кроме одной...»

И далее - его же текст: «Последние переговоры с Сергеем Премининым предельно лаконичны.

-Сергей, как себя чувствуешь?

-Нормально.

-Не могу открыть переборку. Не идет.

Командир подсказывает, что и как надо сделать. Несколько минут молчание. Потом доклад:

-Не получилось. Заклинило...

-Держись, Сергей!..

А в это время старший мичман Ежов с двумя матросами, установив раздвижной упор, отчаянными усилиями штурмовали переборочную дверь, так неожиданно замурованную подскокившим давлением внутри седьмого отсека.

В те редкие мгновения, когда замирали они, жадно прислушиваясь к

тишине, раздавались мерные удары металла о металл. Как удары сердца. И тогда с новой яростной надеждой возобновляла они свои усилия.

А там, рядом, всего в нескольких сантиметрах, разделенный от них неподатливой сталью, сидел, привалившись к комингсу, матрос в тяжелом, как латы, одеянии. В позе безмерно уставшего человека. Посылая последние сигналы - я жив, жив, жив».

...Тот самый В. Ежов, рассказывал в Великом Устюге А. А. Копосовой о последних минутах жизни Сергея. Он же и проводил его в последний путь. Тот самый Ежов говорил, что Сережа еще стучал, давая знать, что он жив. Потом был последний удар. Потом были всхлипывания...

...Потом с той стороны, от Сергея нависла звенящая тишина.

...Я не мог писать этот газетный материал без слез на глазах. Они почему-то меня не слушались. И текли по лицу. Было почти час ночи 6 февраля 2003 года. 6 октября 1986 года атомная подводная лодка К-219 затонула в Саргассовом море Атлантического океана. Впервые в истории человечества погиб атомоход с ядерными ракетами на борту. Подлодка осталась на глубине более 5000 метров. Спасенный экипаж сначала был доставлен на Кубу, а затем в Москву.

...Сергей Преминин, мой земляк с голубыми глазами, остался спать вечным сном на этой огромнейшей глубине! Остался на боевом посту в реакторном отсеке!..

Александр БЕЛЫХ.

На снимках: уголок музея имени С. Преминина в средней школе № 15. Матрос Н. Смаглюк, один из четырех погибших моряков на атомоходе К-219; место затопления АПЛ К-219; К-219 - стрелкой обозначена развороченная взрывом ракетная шахта (снимок сделан с американского самолета «Орион» 4 октября 1986 года; все три фото из книги «Враждебные воды»).

Фотографии и фоторепродукции
Александра ПОЛИЦИНСКОГО.
(Продолжение следует).